

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Ю.В. Барбарук

БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ БИОПОЛИТИКИ

Барбарук Юрий Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Научно-исследовательский центр «Арктика» Дальневосточного отделения РАН. Российская Федерация, 685000, г. Магадан, пр. Карла Маркса, д. 24; e-mail: barbaruk@inbox.ru

Основная сложность использования термина «биополитика» состоит в том, что у него нет более или менее однозначного определения в академической среде. В итоге мы сталкиваемся либо с натуралистскими трактовками, в которых биополитика – приложение наук о жизни (этологии, физиологии, генетики, социобиологии, кибернетики, биоэлементологии и др.) к политической сфере, либо с определениями, производными от термина «биовласть» Мишеля Фуко, в которых биополитика – совокупность техник администрирования жизни. В первом случае мы, отталкиваясь от биологических знаний, приходим к мозаичному набору исследований и техник, направленных прямо или косвенно на политический процесс, организацию политического сообщества. Во втором случае получаем историко-философский анализ становления техник управления населением в современных западных обществах. В данной статье предложен подход к биополитической проблематике, разграничивающий биополитику, биополитические исследования и исследование биополитики. Такая процедура может оказаться полезной для более полного понимания взаимосвязи между разрозненными исследовательскими усилиями в данной области и их отношения к реальной практике по администрированию населения.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, натурализм, евгеника, население, администрирование, политэкономика, знание-власть

Для цитирования: Барбарук Ю.В. Биополитические исследования и исследование биополитики // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 147–162.

В последние десятилетия в российской науке, СМИ и экспертном сообществе все чаще употребляется понятие «биополитика» как в связи с практиками управления государством, так и в отношении внешнеполитических доктрин. При этом, несмотря на более чем столетнюю циркуляцию термина в научных кругах, к настоящему времени не выработалось конвенции по поводу его употребления, что часто позволяет говорить не о биополитике, а об авторских концепциях и подходах к биополитике, на что и указывают

многие авторы, в т.ч. отечественные^{1, 2}. Проблемное поле биополитики выглядит расколотым как минимум надвое: с одной стороны, звучат лишь биологические (натуралистические) интерпретации общественно-политических процессов, а с другой, доминирует постмодернистская философия и критика. При этом в публикациях натуралистского толка обычно не ссылаются на философские работы, а в философских публикациях обходят стороной натуралистов. В данном исследовании мы наметим контуры, в которых происходит институционализация биополитики, ее предметное поле, а также обозначим подход, в рамках которого можно говорить не столько о различных подходах к биополитике, сколько о различных уровнях теоретизирования и практики биополитики.

Рождение термина в лоне евгенической теории и натурализма

Употребление термина «биополитика» ведет начало от Джорджа Харриса, опубликовавшего в 1911 г. одноименное эссе³. Под биополитикой он подразумевал такую политику, которая должна рассматривать два аспекта нации: увеличение населения и соревнование, а также индивидуальные качества перспективных кандидатов на ответственные должности в государстве. Харрис, таким образом, считается одним из зачинателей евгенической проблематики с классической постановкой вопроса о качестве управления на основе биологических качеств индивидов, составляющих политическое сообщество. Непристойная изнанка отбора достойных кандидатов для такой технократии – это «работа» с биологическим вырождением и пронатализм в отношении белого населения. В том же русле работали и более известные американские и немецкие сторонники евгенических идей от Лотропа Стоддарда до Гарри Лаухлина. Эти идеи вскоре оказались дискредитированными: их не могла спасти даже резкая критика американскими евгениками своих немецких коллег за избыточно консервативный подход к реализации евгенической программы.

Параллельно с Харрисом и независимо от него термином «биополитика» воспользовался шведский политический мыслитель Рудольф Челлен, который в терминах органицизма описывал жизнь государств и борьбу социальных групп за выживание внутри государственных образований, что и составляло предмет биополитики. Симпатии к проекту имперской германской гегемонии в Европе и последующее заимствование нацистами вокабуляра шведского классика геополитики также не сослужили добрую службу репутации Челлена и его учения. Впрочем, понятие биополитики не имело у него центрального значения⁴.

¹ Аласания К.Ю. «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 60–67.

² Кузнецова А.А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 133–148.

³ Harris G.W. Bio-Politics // The New Age. 1911. Vol. 10. No. 9 (28th December). P. 197.

⁴ Kjellén R. Grundriß zu einem System der Politik. Leipzig, 1920. S. 93–94.

Второе рождение и практическое применение принципов

Уже через полтора десятилетия после Второй мировой войны евгенические идеи без ярко выраженной расистской подоплеки и в либеральной оболочке обрели практику в деятельности международных проектов и организаций, крупнейшая из которых – Международная федерация планирования семьи (International Planned Parenthood Federation; IPPF, основана в 1952 г.), имеющая сильнейшее лобби в структурах ООН, не говоря уже о правительствах отдельных стран.

В 1960-х гг. на повестку глобальной политики стала выходить экологическая проблематика, а место устаревшего органицизма заняла развитая эволюционная теория, что стало прологом к возрождению на качественно новом уровне термина «биополитика». В России это новое звучание биополитики наиболее полно раскрыл д.б.н. Александр Владимирович Олескин, с 2001 г. дважды издавший монографию о биополитике (в т.ч. переработанное и дополненное переиздание 2007 г.), курс лекций и большое количество статей об истории биополитики и ее предмете⁵.

А.В. Олескин интерпретирует биополитику как «кентавра» – с биологическим туловищем и политической головой. Принципиально именно такое отношение головы к туловищу, т.к. именно на базе биологических данных и концепций вырастают политические проблемы и их анализ. Таким образом, биополитика становится следствием развития научного знания в области биологии и медицины. В свою очередь, становясь производительной силой, научные знания в области биологии и медицины требуют политической регуляции и регламентации, новые знания из разделов биологического знания начинают сопрягаться с социально-гуманитарным знанием. Это не удивительно, ведь естественно-научное знание всегда оказывало мощное концептуальное давление на социально-гуманитарные дисциплины, а биология в настоящее время является очевидным лидером среди естественных наук, и значение ее в ближайшем будущем будет только возрастать. Для нас же интересны те случаи, когда знания из различных областей биологии оказываются пригодными для политического прогнозирования, политической борьбы и практики государственного управления.

Институционализация в рамках политологии и ключевые принципы

Политология и политическая социология в прикладном аспекте, как известно, активнее всего развивались в США. Здесь же родилась первая биополитическая школа.

Американская биополитическая мысль в целом развивалась в позитивистском ключе с ориентацией на практическое применение. Уже первичное употребление Л. Колдуэллом термина «биополитика» в рамках американского направления отсылает нас к необходимости приведения политики к фактам биологии⁶, а последователи Колдуэлла не замедлили себя ждать

⁵ См.: Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М., 2007.

⁶ Caldwell E. Biopolitics: Science, Ethics and Public Policy // Yale Review. 1964. Vol. 54. No. 1. P. 1–16.

с заявлениями о необходимости строить политическую теорию на базе биологии, как бы по-мальтузиански это ни звучало. Цель научной и общественной деятельности первых биополитиков состояла не только в выработке адекватного экологического законодательства в США, но и в превращении экологической и демографической проблематики в эффективное орудие внешней политики, так что именно американские биополитики стоят у основания экологизации международных отношений.

Уже в 1970 г. мы можем видеть факт признания биополитики Международной ассоциацией политической науки (МАПН) в качестве специальной области политического знания. В 1970-х гг. проходят первые международные конференции по биополитической проблематике и, как завершение институционализации дисциплины, в 1981 г. создан Грутеровский Институт права и поведенческих исследований (Gruter Institute for Law and Behavioral Research) в США, а затем и его филиал в Германии. Институт концентрируется на биополитической проблематике позитивистского (бихевиоралистского) толка. Так, в 1998 г. под патронажем института было создано Общество эволюционного анализа в области права (SEAL) – независимая профессиональная организация с ежегодными совещаниями и растущим числом членов. Для полного понимания содержания работы этого института приведем несколько курируемых им проектов:

– «Чувство справедливости» (Sense of Justice) – программа направлена на изучение (и воспитание) чувства справедливости у детей. В рамках программы проводится параллель между процессом освоения ребенком языка и обретением им же чувства справедливости. Справедливость, таким образом, обретает свои онтологические основания в качестве биологического процесса становления, которому необходимо помогать развиваться в «правильном» направлении.

– «Интеллектуальная собственность» (Intellectual Property) – программа, направленная на пересмотр (не отмену) правил интеллектуальной собственности с точки зрения новейших достижений когнитивной нейробиологии и смежных областей.

– «Закон и поведенческая биология» (Law & Behavioral Biology) – программа направлена на раскрытие потенциала поведенческих наук в целях укрепления правового общества и прав собственности.

В рамках института реализуются и другие программы, но цели подобных биополитических сообществ легко просматриваются и на приведенных выше примерах. Обобщить их можно следующим образом:

– укрепление экспертных позиций в инстанциях правосудия и законодательства;

– лоббирование интересов патентообладателей;

– осуществление воспитательной деятельности в целях укрепления существующего политико-правового порядка;

– теоретическая работа над онтологизацией капиталистических отношений и лежащих в их основе ценностей.

Помимо США крупные биополитические школы возникли также в ФРГ, Нидерландах и Греции. В последнем случае речь идет о деятельности Биополитической Интернациональной Организации (Biopolitics International Organization). Организация работает в России, под ее эгидой создан Интернациональный университет по био-окружению (International University for the Bio-Environment). В этой организации на первый план выходит

проблематика сохранения биоразнообразия и коэволюции с позиций биоцентризма.

Совмещение лоббистской, образовательной и научной деятельности этих организаций позволяет охарактеризовать их как классические «think tanks». Их озабоченность глобальными проблемами человечества и претензии на универсализм защищаемых тезисов зачастую позволяют оппонентам упрекнуть биополитиков в англо-американском мондиализме⁷.

Общей характеристикой биополитических сообществ ученых является их приверженность натуралистическим взглядам на природу человека и, соответственно, такого же рода концептуальные взгляды проецируются на природу человеческого общества, социальных отношений. Натуралистские трактовки «биополитики» и ее предмета данными школами противостоят историцистским (в т.ч. большинству социологических) и идеалистическим интерпретациям человека и социума в мягкой или жесткой формах⁸.

На натуралистскую биополитику наибольшее влияние оказали этология, социобиология, экология, нейрофизиология, генетика и ряд других дисциплин. Не обошли биополитики стороной кибернетику и теорию систем.

Из исследовательских объектов позитивистской и эволюционистской биополитики особняком стоят следующие темы:

– Антропогенез и политические отношения у ранних людей, современных приматов и человекообразных предков *Homo Sapiens*. Здесь на основе данных социобиологии и этологии политические отношения субстанциализируются и становятся одним из важнейших факторов антропогенеза и социогенеза, в чем также проявляется противопоставление биополитических школ социологическим интерпретациям происхождения человека и эволюции общества.

– Агрессия (природа войны и конфликта). Данная тема также раскрывается через сопоставление агрессивного поведения в мире диких животных и людей.

– Влияние психосоматических состояний на политику и право.

– Влияние нейротрансмиттеров на политическое поведение, в т.ч. политическую агрессию.

– Воздействие человека на окружающую среду и обратные последствия этого воздействия на человека, в т.ч. его политическое поведение, политическую систему.

– Проблемы городского планирования с учетом эволюционно сформировавшихся в период архаики поведенческих установок.

– Проблемы бюрократии и управления. Постановка проблемы бюрократии у биополитиков вытекает из неестественности жесткого иерархического способа управления в сообществах собирателей и охотников, так же, как и у наших ближайших родственников по эволюционному древу – бонобо и шимпанзе.

Объединяет всех этих биополитиков, как их называет А.В. Олескин, интерпретация социально-политических и экономических явлений «снизу»,

⁷ Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). М., 2009. С. 75–76.

⁸ Олескин А.В. Биополитика (политический потенциал современной биологии) // *Кавта-радзе Д.Н. и др. Социально-экономические и правовые основы сохранения биоразнообразия*. М., 2002. С. 61–62.

т.е. путем переноса опыта, полученного при изучении сообществ животных (преимущественно социальных) на социальное поведение человека. Другой тип интерпретации «снизу» состоит в объяснении поведенческих реакций через микроэлементный статус человека. Субстанция социальных процессов, таким образом, переводится в разряд химических реакций, протекающих в организме человека, в первую очередь в его головном мозге. Такой подход оказывается возможным благодаря акцентированию на эволюционно-консервативных аспектах функционирования живых систем, которые есть у всех живых существ, включая человека.

Общеизвестны и слабости этологического и социобиологических подходов, идеями которых вдохновляются биополитики: богатый опыт наблюдений за миром животных, по видимости, хорошо объясняет отдельные элементы социальной организации и человеческого поведения, но общая картина выходит чересчур мозаичной (см. проблему «образа мира» в этологии). Во-вторых, этологи и социобиологи, хотя и признают своеобразие человека, по сути, не в состоянии его объяснить, ведь это выходит за пределы их компетенции. Методологические подходы биополитиков часто не способны принципиально далеко выходить за пределы аналогий, а потому их взгляд так или иначе всегда остается редукционистским.

Практически все рассмотренные биополитические направления так или иначе подводят нас к мысли, что политические и социальные структуры на самом деле основаны на биологических (естественных) процессах, и необходимо сделать это утверждение отправной теоретической точкой для дальнейших действий. Соответственно, на второй план выносятся индивидуализм, свободный выбор и культурализм, однако к исследованию биополитической проблематики можно выработать подход не только «снизу», но и «сверху».

Развитие метатеории

Рассматривать биополитику только в связи с ростом биологического знания и повышением его значимости было бы большой ошибкой. Возвращаясь к метафоре А.В. Олескина, биополитика – кентавр, в котором биология – только лишь туловище. Медико-биологические (экологические, демографические и др.) знания и нарративы являются политическими инструментами. Объектом же биополитики в конечном счете выступает население и способы его администрирования. Тогда следует рассматривать биополитику не только с политической точки зрения, но и с позиций государственного управления, его эффективности. Здесь нам следует обратиться к работам М. Фуко, его последователей и критиков⁹. К использованию терминов «биополитика» и «биовласть» его подтолкнули те же основания: начиная от расизма и нацизма, заканчивая появлением новых биотехнологий, экстракорпорального оплодотворения, пренатального тестирования и обострившейся экологической проблематики. Первые попытки генеалогического анализа биополитики мы можем увидеть уже в первом томе «Истории сексуальности» и курсе лекций «Нужно защищать общество» 1975/1976 гг.

⁹ Барбарук Ю.В., Барбарук А.В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Социология и право. 2018. № 3. С. 35–44.

Исследования Фуко показывают, что рождение биополитики произошло не менее чем за два столетия до появления термина. Последовательно придерживаясь антигегельянства, Фуко не возводит систему, благодаря которой происходит рождение биополитики, он сосредотачивается на множестве частных исторических феноменов, позволивших создать тот тип дискурса, о котором теперь идет речь¹⁰. Мы отметим только четыре элемента из этого множества, которые дают непосредственное понимание того, как биополитика могла состояться и чем она по существу является.

1. Начиная с конца XVI в. секуляризация сферы государственного управления привела к разработке проблемы «государственного интереса» и развитию институтов полицейского государства. В этом новом концептуальном управленческом поле начинает разрабатываться проблема связи населения и богатства в ее различных аспектах (налоги, голод, естественное движение населения, праздность, нищета, бродяжничество) и она становится ключевой. Таким образом, меняется не только объект суверенного управления (от управления людьми к управлению населением), но и цели этого управления (от реализации властью традиционных добродетелей к увеличению государственной мощи)¹¹. Для нас же в контексте исследования биополитики важно рождение концепта «населения» и его «вторжение» в управленческую практику.

2. Связка население-богатство становится ключевой темой политической экономии. Уже меркантилисты увидели в населении важнейшую составляющую военной силы и богатства государства. Отсюда возникают задачи «государственного интереса» к реализации максимально густого населения, в т.ч. через усилия медицинской полиции и социальной медицины, призванных сокращать детскую смертность, предотвращать эпидемии, снижать показатели заболеваемости, т.е. вмешиваться в условия жизни, чтобы изменять и нормировать их (питание, жилье, медицинское оборудование, санитарные нормы и др.).

3. Переход лидерских позиций в политэкономии от меркантилистов и протекционистов к физиократам. Большинство отечественных источников указывает на социально-классовый характер такого перехода (от аристократов к третьему сословию) и в этом есть смысл, но Фуко отмечает скорее неэффективность ряда юридических и административных техник, основанных на принципах меркантилистской доктрины (в первую очередь речь идет о регулировании рынка зерна, неспособности справиться с голодовками и голодными бунтами директивными методами)¹². Рост влияния буржуазии в государстве действительно оказывается значимым фактором, но он не устраняет «государственного интереса» и потребности в эффективном управлении. Смещаются акценты в понимании целей управления, происходит трансформация режима истины, в котором теперь искусство управлять состоит в стремлении управлять как можно меньше – между минимумом и максимумом. Основным элементом такой трансформации стало стремление перейти от прямых дисциплинарных практик управления к «руководству

¹⁰ Wallenstein S.-O. Introduction: Foucault, Biopolitics, and Governmentality // Foucault, Biopolitics, and Governmentality. Södertörn, 2013. P. 7–9.

¹¹ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб., 2011. С. 470–474.

¹² Там же. С. 51–78.

поведением» (conduct of conducts) и «управляемости» (governmentality), т.е. к техникам управления, основанным на «мягкой» силе. Фуко подчеркивает, что этот новый «режим истины» не сменил старый, в который входило понятие о государственном интересе (рост богатства, силы, власти государства). Население в управленческом дискурсе не теряет атрибутов мобилизационного и производственного потенциала, более того, на производстве и во многих социальных институтах дисциплинарные практики продолжают доминировать и развиваться (см. фордизм и тейлоризм). Однако в поле зрения физиократов отчетливо попадает стремление населения к потреблению. Не любое производство и потребление создает богатства, а производство и потребление желанной продукции: «Могущество государства составляют люди, благодаря их потребностям растут богатства; чем больше народы увеличивают продукцию, в которой они нуждаются, и чем больше они ее потребляют, тем они становятся богаче»¹³.

Наличие у населения «непреодолимых желаний» в конечном счете заставляет говорить о населении не как о простом объекте манипулирования, но как о естественном объекте, требующем соответствующих техник управления:

...с точки зрения приступивших к анализу населения теоретиков XVIII столетия, различных индивидов объединяет по крайней мере одно: всех их побуждает к действию единственная причина, обуславливающая в итоге и поведение населения в целом. Эта побудительная причина – не что иное, как желание. Раньше понятие желания использовали при исследовании сознания... и вот теперь к нему обратились снова, но уже в рамках разработки техник власти и управления. Желание есть то, что заставляет действовать любого индивида. И с этой силой бесполезно бороться. Вы, говорил Кенэ, не можете помешать людям селиться там, где, как они считают, жить более выгодно и где они желают жить, ибо желают этой выгоды. И не пытайтесь их изменить – они не изменятся¹⁴.

4. Пристальное внимание физиократов к населению сделало его объектом статистического наблюдения и почти сразу после разработки теории вероятности в XVII в. вероятностные модели стали использоваться при обработке данных о населении:

...мышление приходит к категории случая, но случая не как чего-то единичного, а как формы индивидуализации коллективного или, что, в сущности, то же самое, коллективизации – посредством квантификации, надеждения количественной определенностью – индивидуального, включения индивидуальных феноменов в состав той или иной коллективности»¹⁵. Население стало величиной статистической, составляющие его части подвержены случайностям и связанным с ними закономерностям (риск, вероятность)¹⁶, то есть за внешне случайными событиями в жизни индивидуумов скрываются определенные константы. Работа с этими константами дает знание, способное выявить характеристики управляемых объектов (например, экономическое положение городов и их населения в различных странах в «Политической арифметике» У. Петти) и само качество управления. «Биополитика, – говорит Фуко, – стремится трактовать «население»

¹³ Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960. С. 145.

¹⁴ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 110.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 112–115.

как совокупность живущих рядом друг с другом живых существ, которые обнаруживают особые патологические и биологические признаки и, следовательно, предполагают особые знания и технологии¹⁷.

Знания и технологии регуляции аспектов жизнедеятельности населения и составляют суть биополитики.

Проблема знания и биополитика

Биовласть администрирует население как величину статистическую и почти всегда опирается на шаткие истины. Ретроспективно под них может быть найдена теория, как это было с вариоляцией, опиравшейся только на признание ее эффективности, и при этом не имеющей веского теоретического обоснования вплоть до открытий Л. Пастера. Позже вариоляция была подвергнута критике как процедура, которая могла приводить к более частым вспышкам оспы и осложнению эпидемиологической обстановки. Однако она создала систему медицинских практик и техник власти по управлению рисками в области эпидемиологии как таковой, охватив все пласты населения. Можно сказать даже более, что вариоляция создала население как эмпирический факт. Более современные примеры из области эпидемиологии показывают нам обратные примеры функционирования биополитической истины: так, социально-экономические риски, вызванные COVID-19, заставляли государственную власть в экстренном режиме опираться скорее на теоретические предпосылки, чем на результаты клинических испытаний. Различные государства вырабатывали собственные технологии борьбы с эпидемией в связи с их наличными возможностями: от полного игнорирования до тотального локдауна и принудительной вакцинации. И каждый раз они находили для себя ту истину, которая более соответствовала возможностям государства, государственным интересам, конфигурации интересов внутри государства. Соответственно, вырабатываемые истины относительно биорегуляции населения имеют в виду прежде всего не само население, а консенсус относительно групп разнородных интересов. Ставки в этой игре слишком высоки, так что истину здесь нужно понимать в постмодернистском ключе – как то, что следует создать, а не открыть. Фуко говорит о том, что в процессе выработки и функционирования режимов истины совершается огромное количество ошибок, а глупости вполне могут возводиться в систему правил (а именно это и было показано в его классической работе «История сексуальности»).

Здесь имеет смысл вернуться к современным эволюционистским дискурсам о биологических предпосылках социально-политических структур. Подход Фуко показывает, что они являются лишь более тонкими и изощренными продуктами западной культурной среды, в которой управление стало рассматриваться как управление в приоритете населением. И нас не должно вводить в заблуждение то, что в предметное поле эволюционистского дискурса биополитики попадает, например, энвайроменталистская проблематика: ни глобальное потепление, ни сохранение экосистем не имеют ценности сами по себе, а только в связи с проблемой администрирования и регуляции жизнедеятельности населения.

¹⁷ Там же. С. 474.

Биополитика у М. Фуко рассматривается как биорегуляция при помощи государства¹⁸. Биорегуляция осуществляется исходя из функционирующих режимов истины, которые не стоит отождествлять с истинами объективными. Режим истины есть совокупность правил, позволяющих в рамках дискурса зафиксировать какие-либо высказывания как истинные и верные или наоборот.

Выбор любой из практик биорегуляции является результатом калькуляции на основе функционирующего (доминирующего) в данный момент режима истины. Например, аборт небезопасен, могут вести к бесплодию, перфорации матки и даже летальным исходам. И в действительности, это случается с некоторой частотой и при определенных медико-социальных условиях. Однако криминализация абортов может нести еще большие риски в виде смертности, потери фертильности, трудоспособности от последствий нелегальных абортов. В конечном счете сначала необходимо легализовать аборт, прежде чем окончательно убедиться в правоте или неправоте провозглашаемых тезисов. Цена знания в области регуляции жизни высока. Критические ошибки и нелепицы возможны и неизбежны. И если у Хоркхаймера анализ такого рода практик обращался в критику инструментального [большого] разума¹⁹, то Фуко заявляет, что неразумие действует столь же гнетущим образом²⁰. Создание техник и практик биорегуляции всегда есть сложный поиск компромисса между перспективой получения выгод (создание новых отраслей экономики, рабочих мест, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, повышение рождаемости и т.д.) и допустимым риском, который может определяться как экспертным сообществом в контексте доминирующих истин, так и принципами рыночной или государственной целесообразности. Талидомидовая трагедия, табачная эпидемия и эпидемия опиоидных анальгетиков являются такими же последствиями компромиссов в биорегуляции населения, как победа над оспой или повсеместное внедрение ремней безопасности. Население является не только объектом управления, но также и арбитром относительно принятых решений: верны они или пагубны. И чем шире воздействие мер биорегуляции, тем проще верифицировать уровень эффективности реализуемых техник управления.

Знание-власть

Вслед за новым знанием, поскольку оно оказывается востребованным, возникают и первые технократические круги, эксплуатирующие и монополизирующие это знание. Наличие статистического наблюдения над населением в Европе создало предпосылки оценки эффективности мер, направленных на него. Так, веками практикуемая в странах Востока вариоляция была лишь способом заработка знахарок. В Англии XVIII в. врачи успешно монополизировали эту практику, создавая искусственные препоны вариоляции вне

¹⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб., 2005. С. 263–265.

¹⁹ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011. С. 27–31.

²⁰ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010. С. 54–55.

медицинского круга, а также конкурировали друг с другом, повышая эффективность вариоляции через понижение вирулентности оспы²¹. Виртуозность и артистизм врачей создали индустрию вариоляции, но монополизацию знания и власть может обеспечить только государство. Интерес государства к максимально густому населению, его здоровью или богатству сам по себе не очевиден – он является выражением представлений о ценности, которые привнесла и развивала политэкономия, как и само понятие о населении. Появление в 1773 г. плана Хейгарта по истреблению оспы, т.е. плана институционализации отрасли здравоохранения, и его внедрение в том или ином виде в большинстве развитых стран спустя примерно полвека – процесс закономерный, но без широкого государственного вмешательства невыполнимый. Врачи довольно скоро из относительно маргинализованной разрозненной социальной группы превратились во влиятельное и защищенное законом профессиональное сообщество.

Также и сегодня нейромаркетологи надевают на испытуемых шлемы с электродами, фиксируют уровень потливости, мимику и движения глазных яблок во время просмотра политических теледебатов, пытаясь залезть «в душу» целевой аудитории, конкурируя с другими нейромаркетологами, выдавливая социологов из политических штабов и корпораций^{22, 23}. «Человек-желающий» из политэкономии Кенэ со временем превратился в человека голосующего, развлекающегося, потеющего, болеющего, стареющего и проч. Знание о жизни создает потенциал администрирования жизнью даже там, где государством ставится правовой предел ее администрирования и выражается он в создании структур по защите от вмешательства или администрирования.

Политэкономы Британии и Франции XVIII – нач. XIX в. были либо представителями истеблишмента по происхождению, либо выходцами из третьего сословия, обласканными сиятельными особами. Находясь в тесном общении друг с другом и с прогрессивными элементами политической элиты, они с переменным успехом лоббировали и реализовывали новые идеи государственного управления, так же, как и сегодня это делают представители неоклассической экономической теории. Последние не оперируют категорией биополитики, но по-прежнему в их фокусе находится население. Так же как современные биополитики-эволюционисты «разбирают» человека на части, экономисты строят модели роста благосостояния через теории рационального выбора уже для отдельного индивидуума (см. Robinson Crusoe economy)²⁴ или через инвестиции в человеческий фактор общественного производства, начиная с младенчества²⁵. Развитие микроэкономической теории в конце концов привело сторонников концепции человеческого капитала к пониманию экономики как науки о систематичности реакций

²¹ См.: Razzell P.E. The Conquest of Smallpox: the Impact of Inoculation on Smallpox Mortality in Eighteenth Century Britain. Sussex, 1977.

²² Alter A. Reading the Mind of the Body Politic. The Subconscious is the New Frontier in Politics. But is it Good for Democracy? // Wall Street Journal. 2007 (Dec. 14). URL: <https://www.wsj.com/articles/SB119759511839128473> (дата обращения: 29.12.2022).

²³ См.: Dooley R. Brainfluence: 100 Ways to Persuade and Convince Consumers with Neuromarketing. Hoboken (N.J.), 2011.

²⁴ Cowell F.A. Microeconomics: principles and analysis. Oxford, 2006. P. 121–139.

²⁵ Хекман Дж. Экономическая отдача от дошкольного образования детей из неблагополучных семей: уроки программы «Хайскоуп Перри» // Финансы и бизнес. 2010. № 3. С. 39–51.

на переменные среды, т.е. к изучению поведенческих техник²⁶. Неслучайно присуждение Нобелевской премии Г. Бэккеру сопровождалось формулировкой за «распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». В итоге, оказывается, что границы между натуралистической линией биополитических исследований и современными экономическими исследованиями становятся достаточно аморфными.

Биополитика, биополитические исследования и исследования биополитики

Таким образом, мы видим два уровня, на которых происходят исследовательские усилия по администрированию жизни. Один из них связан с реализацией отдельных аспектов администрирования жизни, основанных на росте знаний о жизни как таковой, а второй – с экономическими теориями. Они сильно взаимосвязаны, но не вытекают один из другого.

В русскоязычной литературе все это вкупе с администрированием жизни обычно именуют просто биополитикой, что усложняет понимание вопроса, в то время как в англоязычной традиции употребляются два понятия: *biopolitics* и *biopolicy*. *Biopolitics* относится как к теории, так и к практике администрирования жизни на наиболее общем уровне (так же как *politics* – политика в наиболее широком смысле и в то же время политическая наука), включает в себя дискурс о ценности жизни (в прагматическом, а не этическом значении). *Biopolitics* сформирована преимущественно под влиянием политэкономии и современной экономической неоклассики. Являясь предельно общим понятием, *biopolitics* включает в себя не только биополитику как теорию и практику, но и исследования самой биополитики.

Biopolicy включает в себя руководящие принципы или усилия по реализации отдельных аспектов управления жизнедеятельностью населения или его частей. В отличие от *biopolitics*, *biopolicy* не предполагает процедуры целеполагания. Эта биополитика формируется преимущественно под влиянием исследований натуралистической направленности (например, усилия по уменьшению концентрации тяжелых металлов в строительных материалах, потребляемых чернокожим населением).

В русскоязычной традиции нет прямого аналога англоязычному *politics*, поэтому было бы разумным провести разграничение между *биополитикой*, *биополитическими исследованиями* и *исследованиями биополитики*. Это позволит приобрести большую ясность относительно каждой из предметной областей и лучше понять характер связей между ними. Относительно последней категории необходимо отметить, что подходы к биополитике М. Фуко и его последователей (Дж. Агамбен, А. Мбембе, Т. Лемке, А. Негри и др.) не имеют отношения к реализации биополитики и не являются биополитическими исследованиями, а представляют собой их рефлекссию – исследования биополитики.

²⁶ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 24–40.

В табл. 1 в наиболее общем виде приведен пример предложенного разграничения. Выделение в отдельные категории «биополитических исследований» и «исследований биополитики» в основном позволит нам пренебречь делением «биополитики» на *biopolicy* и *biopolitics*, хотя это и не избавит нас от специфических трудностей в понимании переводных текстов биополитической проблематики.

Таблица 1. Биополитика, биополитические исследования и исследования биополитики

Уровни биополитики	Биополитические исследования	Исследования биополитики
<i>Biopolicy</i> . Определенный набор действий, который государственные органы, компании или НКО применяют по отношению к управлению жизнью (рождение, поддержание жизни/здоровья, смерть), а также применение знаний о жизни в целях повышения экономической эффективности, управляемости, достижения конкретных политических целей.	Исследование поведенческих реакций/механизмов политических/экономических субъектов, представителей отдельных социально-демографических групп, а также изучение основ социального порядка.	Исследование и систематизация использующихся ныне, использовавшихся ранее или потенциально используемых практик по управлению жизнью, анализ последствий, критика.
<i>Biopolitics</i> . Общие принципы использования инструментов интервенционизма государством/международными институтами в контроле над населением, включая отношения производства, обмена, распределения.	Исследование мотивации субъектов экономической деятельности в связи с их стремлением к максимизации полезности, в том числе в нерыночных сферах.	Исследование политических/экономических дискурсов контроля над населением.

Список литературы

- Аласания К.Ю. «Биополитика»: интерпретации и смыслы в современном социально-политическом знании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 60–67.
- Барбарук Ю.В., Барбарук А.В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Социология и право. 2018. № 3. С. 35–44.
- Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение / Пер. с англ. Р.И. Капелюшниковой // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 24–40.
- Кенэ Ф. Избранные экономические произведения / Пер. с фр.; ред.-сост. А.И. Казарин. М.: Соцэкгиз, 1960. 361 с.
- Кузнецова А.А. История становления биополитики как направления политологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 133–148.

- Олескин А.В. Биополитика (политический потенциал современной биологии) // *Кавтарадзе Д.Н. и др. Социально-экономические и правовые основы сохранения биоразнообразия*. М.: Изд-во НУМЦ, 2002. С. 53–109.
- Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: URSS, 2007. 508 с.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Сулова, А.В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб.: Наука, 2005. 313 с.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
- Хекман Дж., Мун С., Пинто Р., Савельев П., Явиц А. Экономическая отдача от дошкольного образования детей из неблагополучных семей: уроки программы «Хайскоуп Перри» / Пер. с англ. Т.Н. Стрелковой // *Финансы и бизнес*. 2010. № 3. С. 39–51.
- Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдин. М.: Канон+, 2011. 224 с.
- Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Nume (биовласть и биополитика в обществе риска). М.: Изд-во РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 319 с.
- Alter A. Reading the Mind of the Body Politic. The Subconscious is the New Frontier in Politics. But is it Good for Democracy? // *Wall Street Journal*. 2007 (Dec. 14). URL: <https://www.wsj.com/articles/SB119759511839128473> (дата обращения: 29.12.2022).
- Caldwell E. Biopolitics: Science, Ethics and Public Policy // *Yale Review*. 1964. Vol. 54. No. 1. P. 1–16.
- Cowell F.A. *Microeconomics: Principles and Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 637 p.
- Dooley R. *Brainfluence: 100 Ways to Persuade and Convince Consumers with Neuromarketing*. Hoboken (N.J.): John Wiley & Sons, 2011. 304 p.
- Harris G.W. Bio-Politics // *The New Age*. 1911. Vol. 10. No. 9 (28th December). P. 197.
- Kjellén R. *Grundriß zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinckel Verlag, 1920. 122 S.
- Razzell P.E. *The Conquest of Smallpox: The Impact of Inoculation on Smallpox Mortality in Eighteenth Century Britain*. Sussex: Caliban Books, 1977. 190 p.
- Wallenstein S.-O. Introduction: Foucault, Biopolitics, and Governmentality // *Foucault, Biopolitics, and Governmentality* / Ed. by J. Nilsson and S.-O. Wallenstein. Södertörn: Södertörn University, 2013. P. 7–34.

Biopolitical studies and research of biopolitics

Yuriy V. Barbaruk

Scientific Research Center Arktika of Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences. 24 Karl Marx ave, Magadan, 685000, Russian Federation; e-mail: barbaruk@inbox.ru

Within the academic environment, we find the using of the term of biopolitics difficult because of its rather ambiguous definition. As a result, we can see either its naturalistic interpretations in which biopolitics is the application of life sciences (ethology, physiology, genetics, sociobiology, cybernetics, bioelementology, etc.) in modern politics, or definitions derived from Michel Foucault's "biopower", where biopolitics is a term that refers to techniques of managing all aspects of human life. In the one case, starting from biological knowledge, we come to a mosaic set of studies and techniques aimed directly or indirectly at the political process, the regulation of a political community. In the other case, we have got a historical and philosophical analysis of the development of techniques that allow for the control of entire populations in modern Western societies. This study proposed an approach to biopolitical issues in order to distinguish biopolitics, biopolitical research, and explorations in biopolitics. Such way of considering can

improve the understanding of how different views interact with each other in this area, and how they relate to the existing practice of managing population.

Keywords: biopolitics, biopolicy, biopower, naturalism, eugenics, population, governmentality, political economy, power-knowledge

For citation: Barbaruk, Y.V. “Biopoliticheskie issledovaniya i issledovanie biopolitiki” [Biopolitical studies and research of biopolitics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 147–162. (In Russian)

References

- Alasania, K.Yu. “‘Biopolitika’: interpretatsii i smysly v sovremennom sotsial’no-politicheskom znanii” [‘Biopolitics’: Interpretations and Meanings in Modern Social and Political Knowledge], *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2020, No. 1 (62), pp. 60–67. (In Russian)
- Alter, A. “Reading the Mind of the Body Politic. The Subconscious is the New Frontier in Politics. But is it Good for Democracy?”, *Wall Street Journal*, 2007, Dec. 14 [https://www.wsj.com/articles/SB119759511839128473, accessed on 29.12.2022].
- Barbaruk, Yu.V. & Barbaruk, A.V. “Biopolitika kak forma vlasti v sovremennom obshchestve riska” [Biopolitics as a form of power in modern risk society], *Sociology and Law*, 2018, No. 3, pp. 35–44. (In Russian)
- Bekker, G. “Ekonomicheskii analiz i chelovecheskoe povedenie” [Economic Analysis and Human Behavior], trans. by R.I. Kapelyushnikov, *THESIS*, 1993, No. 1 (1), pp. 24–40. (In Russian)
- Caldwell, E. “Biopolitics: Science, Ethics and Public Policy”, *Yale Review*, 1964, Vol. 54, No. 1, pp. 1–16.
- Cheshko, V.T. & Glazko, V.I. *High Hume (Bio-power and Bio-policy in Society of Risk)*. Moscow: Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy Publ., 2009. 319 pp. (In Russian)
- Cowell, F.A. *Microeconomics: Principles and Analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 637 pp.
- Dooley, R. *Brainfluence: 100 Ways to Persuade and Convince Consumers with Neuromarketing*. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2011. 304 pp.
- Foucault, M. *Bezopasnost’, territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1977–1978 Academic Year], trans. by V.Yu. Bystrov, N.V. Suslov and A.V. Shestakov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 544 pp. (In Russian)
- Foucault, M. *Nuzhno zashchishchat’ obshchestvo. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [It is Necessary to Protect Society. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1975–1976 Academic Year], trans. by E.A. Samarskaya. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 313 pp. (In Russian)
- Foucault, M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs leksii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1978–1979 Academic Year], trans. by A.V. D’yakov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 448 pp. (In Russian)
- Harris, G.W. “Bio-Politics”, *The New Age*, 1911, Vol. 10, No. 9 (28th December), p. 197.
- Heckman, J.J., Moon, S.H., Pinto, R., Savelyev, P.A. & Yavitz, A. “Ekonomicheskaya otdacha ot doskol’nogo obrazovaniya detei iz neblagopoluchnykh semei: uroki programmy ‘Khaiskoup Perri’” [A New Cost-Benefit and Rate of Return Analysis for the Perry Preschool Program], trans. by T.N. Strelkov, *Finansy i biznes*, 2010, No. 3, pp. 39–51. (In Russian)
- Horkheimer, M. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental’nogo razuma* [Critique of Instrumental Reason], trans. by A.A. Yudin. Moscow: Kanon+ Publ., 2011. 224 pp. (In Russian)
- Kjellén, R. *Grundriß zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinkel Verlag, 1920. 122 S.

- Kuznetsova, A.A. "Istoriya stanovleniya biopolitiki kak napravleniya politologicheskikh issledovaniy" [History of Biopolitics' Formation as an Approach of Political Studies], *Bulletin of Moscow Region State University*, 2022, No. 1, pp. 133–148. (In Russian)
- Oleskin, A.V. "Biopolitika (politicheskij potencial sovremennoj biologii)" [Biopolitics (Political Potential of Modern Biology)], in: D.N. Kavtaradze et al. *Social'no-ekonomicheskie i pravovye osnovy sohraneniya bioraznoobraziya* [Socio-economic and Legal Foundations of Biodiversity Conservation]. Moscow: NUMTs Publ., 2002, pp. 53–109. (In Russian)
- Oleskin, A.V. *Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty* [Biopolitics. Political Potential of Modern Biology: Philosophical, Political Science and Practical Aspects]. Moscow: URSS Publ., 2007. 508 pp. (In Russian)
- Quesnay, F. *Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya* [Selected Economic Works], ed. by A.I. Kazarin. Moscow: Socekgiz Publ., 1960. 361 pp. (In Russian)
- Razzell, P.E. *The Conquest of Smallpox: The Impact of Inoculation on Smallpox Mortality in Eighteenth Century Britain*. Sussex: Caliban Books, 1977. 190 p.
- Wallenstein, S.-O. "Introduction: Foucault, Biopolitics, and Governmentality", *Foucault, Biopolitics, and Governmentality*, ed. by J. Nilsson and S.-O. Wallenstein. Södertörn: Södertörn University, 2013, pp. 7–34.